

Сейчас стоял конец весны, у крестьян ещё оставались излишки зерна, поэтому в лавках было немногочисленно. В это время года сельские жители редко покупали рис, в основном за покупками приходили те горожане, у которых не было своего надела.

В лавке находились лишь приказчик да двое покупателей. Окинув помещение взглядом, Чжао Шуюй обнаружил, что выбор зерна здесь довольно богат. На каждой бочке стояла деревянная табличка с ценой: фунт дробленого риса — 3 вэней, фунт свежего риса — 5 вэней, фунт отборного риса — 15 вэней, фунт кукурузной муки — 10 вэней, а за фунт муки высшего сорта просили 20 вэней...

Цена на отборный рис кусалась: в три раза дороже обычного свежего и в пять раз — дробленого. Неудивительно, что простым крестьянам он был не по карману. Последние два дня Чжао Шуюй питался дробленным рисом, который одолжил у госпожи Ван Чжан, но привыкнуть к нему так и не смог. Деньги на то и нужны, чтобы их тратить: если на отборный рис не хватает, то на обычный свежий вполне можно разориться.

Чжао Шуюй взял десять фунтов свежего риса, пять фунтов отборного и пять фунтов муки высшего сорта. Малыш дома совсем исхудал, ему нужно питаться хорошо, чтобы окрепнуть — нельзя же позволить ребенку голодать.

Закупившись крупой и мукой, он отправился в лавку товаров для дома, где потратил пятьдесят вэней на приправы и специи. Без них даже самая искусная хозяйка не справится, а еда без вкуса не лезла в горло самому Чжао Шуюю.

Затем он заглянул в лавку готовой одежды и купил два комплекта льняных вещей — в них будет удобно ходить в горы на охоту. Подумав, он взял ещё два комплекта для Чжао Шуюя. Готовая одежда стоила дорого, пришлось отдать пятьсот вэней, и это ещё с учетом скидки. Оставалось винить лишь собственное неумение шить — на этом сэкономить не вышло.

Восточный рынок был местом, где собирались уличные торговцы Пинъяна. Местные крестьяне приносили сюда собранные дикорастущие овощи и лесные дары, арендуя место всего за десять вэней. Как и на любом утреннем рынке в современном мире, людей здесь было больше всего в первой половине дня: горожане, не имеющие своих огородов, спешили купить свежие овощи и свинину.

Чжао Шуюй обошел весь рынок, прикидывая, на чем можно заработать. Увидев знакомого старейшину из своей деревни, который торговал вместе с внуком, он приветливо поздоровался.

Дойдя до мясной лавки, он вспомнил, что малышу нужно больше питательных веществ. Свинину стоит взять, чтобы разнообразить рацион — от фазанов и зайцев уже воротило. Мясо стоило дорого, и хотя покупателей было много, каждый брал понемногу. Когда подошла очередь Чжао Шуюя, прилавок был почти полон. На столе лежала добрая половина туши, несколько крупных костей и огромный кусок свиного сала, к которому никто не притронулся. В деревянной бадье на полу лежали потроха.

Видя, что Чжао Шуюй молчит, а лицо его незнакомо, мясник Ли решил заговорить первым:

— Сегодня народу мало, мясо отдаю дешевле, по тридцать вэней за фунт, кости — по десять. Сколько возьмешь, уважаемый?

Чжао Шуюй прикинул:

— Мне пять фунтов мяса, три кости и всё свиное сало. А потроха из бадьи отдадите в придачу?

— Да кому они нужны? Только вкус портят. Ты что, собакам собрался скормливать? Мои псы и те не едят. Но раз ты такой решительный покупатель, забирай, отдаю даром.

Семья мясника Ли занималась этим ремеслом уже в третьем поколении. Раньше он уже пытался сбыть потроха по дешевке, но покупатели потом возвращались и требовали деньги назад. Видя, что Чжао Шуюй берет столько мяса, мясник решил, что тот вряд ли собирается их есть, и охотно согласился.

Пока он ловко разрубал пять фунтов мяса и перевязывал их бечевкой, а затем заворачивал сало и кости в лопухи, потроха он завернул в два слоя бумаги.

— Пять фунтов мяса — сто пятьдесят вэней, три кости — тридцать, сало — по десять вэней за фунт, здесь чуть больше пяти фунтов, посчитаю за пятьдесят. Итого с вас двести тридцать вэней.

После всех покупок заплечная корзина была набита доверху. Потроха требовали обработки специями, поэтому Чжао Шуюй заскочил в аптеку Цзиштан и потратил ещё пятьдесят вэней на лекарственные травы, необходимые для маринада. Вспомнив о маленьком Чжао Шуяне, который ждет его дома, он подхватил тяжелую корзину и зашагал к выезду из города, где отправлялись бычьи упряжки.

В повозке уже сидело человек семь-восемь. Чжао Шуюй поставил корзину у ног и сел, чувствуя на себе любопытные взгляды. Одна из женщин, увидев, сколько всего он накупил, с язвительной усмешкой проговорила:

— Ой, ну надо же, какой талантливый наш недоучка Чжао! Долгов перед игорным домом — гора, а он всё равно такие покупки делает. Гляди-ка, даже свинина есть! Должно быть, все долги уже выплатил? Поразительная скорость заработка, прямо завидно становится.

Эта женщина, госпожа Сун, была женой Чжао Цина — дальнего родственника Чжао Шуюя. По идее, её следовало называть тетушкой, но семьи не были близки. Более того, госпожа Сун отличалась скверным характером и обожала сплетничать за спиной. Больше всего доставалось родителям Чжао Шуюя: поговаривали, что когда-то она положила глаз на отца Чжао, но тот выбрал мать Чжао Шуюя и отверг её ухаживания.

Госпожа Сун, неясно почему, вышла замуж за дальнего родственника отца Чжао, Чжао Цина, и время от времени наведывалась в их дом под предлогом дружеской беседы. Отец Чжао,

опасаясь неприятностей, предупредил жену, чтобы та была осторожна. И правда, не прошло и много времени, как госпожа Сун начала сеять раздор, нашептывая гадости об их супружеской жизни. Мать Чжао, женщина прямолинейная и бойкая, просто выставила её за дверь. Сначала госпожа Сун плакалась по всей деревне, очерняя мать Чжао, но потом слухи поползли в обратную сторону. Она стала местной сплетницей, с которой никто не хотел водиться, и семьи окончательно отдалились.

Госпожа Сун во всем старалась подражать дому Чжао: увидела, что они отправили сына учиться — и своего отправила в школу. А когда мать Чжао долго не могла родить после Чжао Шуюя, она то и дело намекала, что у той проблемы с потомством, хвастаясь, что у неё самой уже трое сыновей и дочь, а значит — великое благословение. Когда родители Чжао Шуюя погибли, она долго злорадствовала. Тогда юный Чжао Шуюй, потеряв опору, остался один с плачущим братом на руках, и казалось, что пятнадцатилетний подросток уже никогда не поднимется с колен.

Чжао Шуюй уловил насмешку в её словах, но лицо его осталось бесстрастным:

— Благодарю за похвалу, госпожа Сун. Я всего лишь немного учился, не чета вашему старшему сыну, который грызет гранит науки столько лет. Уж он-то точно зарабатывает куда больше меня. Если вам так хочется мяса, это ведь не проблема — скажите сыновьям, думаю, у вас его столько, что не съесть.

Улыбка мгновенно сползла с лица госпожи Сун. Почернев от злости, она упрямо бросила:

— Ещё чего! Мы мясо едим каждый день, уже воротит от него, мне бы чего свежего, капусты бы сейчас.

Две другие женщины, слушавшие их разговор, переглянулись и прыснули со смеху.

— Ой, сестрица Сун Фан, не смейся людей. Если вы каждый день едите мясо, то мне пора идти к твоему мужу требовать долг. Уже почти год прошел, а денег всё нет. Если у вас есть деньги на мясо, почему бы долги не вернуть?

Вторая женщина тут же подхватила:

— Да кто же не знает, что твой старший сын уже четыре раза провалил экзамен на звание ученика? Вы всё ещё оплачиваете его учебу? А младшие сыновья не против?

— Не ваше дело! — отрезала госпожа Сун, побагровев от нападок.

Две женщины, поддержавшие Чжао Шуюя, многозначительно переглянулись и замолчали.

<http://bllate.org/book/22441/2357842>